

ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПОСТАНОВЛЕНИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Статья посвящена вопросам судебного толкования норм уголовного законодательства. Анализируется принятое Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 1 февраля 2011 г. Постановление № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Делаются выводы о достоинствах и недостатках данного постановления, предлагается авторское решение проблемных вопросов толкования и пути совершенствования законодательства в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: ответственность; несовершеннолетние; наказание; возраст; закон; принудительные меры.

1 февраля 2011 г. Пленумом Верховного Суда РФ принято Постановление № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – Постановление). Хотя в документе даны ответы лишь на те вопросы, которые поставлены судами (в теоретических работах обсуждается существенно более широкий круг проблем), однако значение их для правоприменительной практики неодинаково. Представляется целесообразным остановиться на наиболее важных, с нашей точки зрения, положениях, содержащихся в Постановлении.

Без преувеличения данное Постановление можно считать долгожданным: за время действия предыдущего постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» существенно изменились законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних (см., например, Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ, от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ) и, как следствие, преступность несовершеннолетних. В этой связи «заплатки», привнесенные Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 г. № 7 «Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г., подтвердили актуальность данной проблемы и вселили определенную надежду на последующие положительные изменения и дополнения в судебное толкование норм, регламентирующих особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

К числу очевидных плюсов нового постановления следует отнести: его больший по сравнению с предыдущим постановлением по данной проблеме объем (пунктов стало 47 против 24); большую подробность некоторых разъяснений, касающихся применения уголовно-процессуального законодательства в анализируемой сфере; указание на необходимость соблюдения при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних международных договоров и других официальных документов, регламентирующих вопросы правосудия и обращения с несовершеннолетними правонарушителями (п. 2 Постановления).

Полагаем, что новое Постановление не лишено недостатков. Остановимся на некоторых из них.

1. В Постановлении ничего не сказано о существующей проблеме, связанной с определением понятия

«несовершеннолетний». Данное понятие раскрывается в ст. 87 УК РФ, согласно которому «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Отметим, что данное положение не в полной мере соответствует международно-правовым документам, на необходимость которых ориентирует п. 2 Постановления. В частности, в Конвенции ООН о правах ребенка (ст. 1) закреплено, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста». Важно, что термины «несовершеннолетний» и «ребенок» в этом документе используются как синонимы. В ст. 11 (а) Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, «несовершеннолетним является любое лицо в возрасте до 18 лет». Более того, в российском семейном законодательстве несовершеннолетним признается лицо, не достигшее возраста 18 лет (ст. 54 Семейного кодекса РФ).

Учитывая сквозной характер любых категорий, используемых в одном нормативном акте, очевидным остается «недочет» законодателя, не устраняемый правоприменителем путем толкования. Полагаем, что при применении норм УК РФ, в том числе и при определении совершеннолетия лица, следует исходить из положений Конституции РФ и международно-правовых актов. В противном случае при буквальном (формальном) толковании признаков состава преступления – вовлечение лица, не достигшего 14 лет, в совершение преступления или антиобщественные действия – действия виновного не должны признаваться уголовно наказуемыми (п. 42 Постановления), так как потерпевший не является «несовершеннолетним» в смысле ст. 87 УК РФ.

2. Вызывает недоумение и то, что при всей очевидности в имеющемся противоречии законоположений, закрепленных в ст. 20 и 22 УК РФ, их соотношению в новом Постановлении не уделено должного внимания. Более того, предложенное Верховным Судом РФ толкование и ориентиры для правоприменителя в этом вопросе вряд ли можно признать способствующими корректировке законодательного «недоразумения» и единообразию практики применения в части соотношения указанных норм.

Речь идет о том, что в действующем уголовном законодательстве РФ установление «возрастной невменяемости» (ч. 3 ст. 20 УК РФ), при подтверждении которой несовершеннолетний не подлежит уголовной

ответственности, можно рассматривать как одну из мер, направленных на реализацию принципов, закрепленных в Пекинских правилах. Имеются в виду случаи, когда несовершеннолетний формально достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими. Указание в ч. 3 ст. 20 УК РФ на несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, дает основание предполагать наличие несовершеннолетних, не достигших этого возраста.

Следует сказать об имеющемся противоречии ч. 3 ст. 20 УК РФ и ст. 22 УК РФ, о котором в Постановлении вообще ничего не говорится. Это противоречие связано с несогласованностью положений, закрепленных в ч. 3 ст. 20 УК РФ, с положениями, закрепленными в ст. 22 УК РФ.

При сравнении экспертных заключений, основанных на ч. 3 ст. 20 УК РФ, с возможными заключениями, вытекающими из ст. 22 УК РФ, становятся очевидными неравноценность и неэквивалентность правовых последствий применения данных норм.

Несовершеннолетний, который не страдает психическим расстройством, но обнаруживает отставание в психическом развитии вследствие социальной и педагогической запущенности, сенсорной депривации и т.п., в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ должен быть освобожден от уголовной ответственности.

В то время как несовершеннолетний больной, обнаруживший, например, признаки психофизического инфантилизма на органической неполноценной почве, других психических аномалий, страдающий олигофренией, а также находящийся в стадии глубокой ремиссии шизофренического процесса и др. [1. С. 168], признанный вменяемым по конкретному уголовному делу, не способный в полной мере понимать фактический характер и общественную опасность своих действий, не подпадает под действие ст. 20 УК РФ. А в соответствии со ст. 22 УК РФ такой несовершеннолетний подлежит уголовной ответственности.

Суть противоречия состоит в том, что лицо, не способное в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, не подлежит уголовной ответственности, а лицо, обнаружившее те же самые признаки (но на его беду), страдающее каким-либо психическим расстройством, подлежит уголовной ответственности.

И в ч. 3 ст. 20 УК РФ, и в ст. 22 УК РФ законодатель использует термин «фактический характер», не раскрывая его. Возникает вопрос: одинаковое ли по смыслу содержание вкладывается в данное понятие в разных статьях УК РФ? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть положительным.

Что же касается содержания данного понятия, то под ним мы имеем в виду *способность несовершеннолетнего к правильному отражению в его сознании*

криминальных действий, основанному главным образом на его информированности о данном правонарушении.

Представляется, что указанное противоречие между ч. 3 ст. 20 УК РФ и ст. 22 УК РФ необходимо устранить путем изменения ст. 22 УК РФ, в которой следует предусмотреть возможность непривлечения несовершеннолетних, не в полной мере осознающих фактический характер и общественную опасность своих действий, к уголовной ответственности.

Непривлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности вовсе не означает, что государство не будет применять к нему меры воздействия. Это не так. Не будут применяться к несовершеннолетним меры уголовно-правового воздействия, но не воспитательные, медицинские меры, тем более что относительно несовершеннолетних, подпадающих под действие ч. 3 ст. 20 УК РФ, уже сегодня в действующем законодательстве предусмотрено применение соответствующих мер воздействия.

3. Важной новеллой УК РФ 1996 г. явилось появление ст. 96, закрепившей возможность применения положений гл. 14 УК РФ к лицам, совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. Не секрет, что её применение вызывает множество теоретических и практических вопросов.

Однако, несмотря на это, в Постановлении данной проблеме посвящены всего две строчки. В частности, Верховный Суд РФ разъясняет, что «применение ее (данной статьи) должно быть мотивировано наличием исключительных обстоятельств, характеризующих совершение лицом деяние и его личность».

К сожалению, данное разъяснение является лишь воспроизведением текста самой ст. 96 УК РФ. А вот ответ на вопрос о том, что это за обстоятельства, которые должен учитывать суд, вслед за предыдущим постановлением Пленума Верховного Суда РФ по данной проблеме, новое постановление не дает. Такой подход вряд ли можно признать обоснованным.

4. Пункт 25 Постановления посвящен наказанию в виде ограничения свободы. Данный вид наказания введен в действие чуть более года назад и является новым для системы наказаний несовершеннолетних. По мнению разработчиков законопроекта о «модернизации» данного вида наказания, он должен стать реальной альтернативой наказаниям, связанным с лишением свободы. Для несовершеннолетних – это более чем актуально. Поэтому, учитывая новизну и очевидную конкуренцию между данным видом наказания и условным осуждением несовершеннолетних, напрашиваются как минимум самые общие разъяснения по поводу применения данного вида наказания к несовершеннолетним. И что мы обнаруживаем: эти разъяснения состоят всего из трех строк, даже не воспроизводящих полностью законодательные особенности применения данного вида наказания к несовершеннолетним.

Правомерно возникает вопрос о том, чем обусловлена немногословность разработчиков Постановления: очевидностью и беспроблемностью применения данного вида наказания или отсутствием за год применения данного вида наказания хоть какой-либо практики, которую можно было бы проанализировать? Ответ на

поставленный вопрос очевиден: отсутствие практики. Так, за первое полугодие 2010 г. ограничение свободы было применено в РФ менее чем к 10 несовершеннолетним, а в Томской области – ни к одному.

Аналогичным является толкование норм о применении к несовершеннолетнему наказания в виде обязательных работ. Данное толкование сведено к воспроизведению положений ч. 3 ст. 88 УК РФ.

5. Полагаем, что Постановление не отражает требований действующего законодательства в части выбора мер при обращении с несовершеннолетними правонарушителями. Так, несмотря на то что в ст. 87 УК РФ были внесены принципиальные, на наш взгляд, изменения, закрепляющие приоритет в реагировании на совершенное несовершеннолетним преступление мерами, альтернативными уголовной ответственности – принудительными мерами воспитательного воздействия.

Иными словами, первоочередность применения принудительных мер воспитательного воздействия (при прочих равных условиях) вслед за предыдущим Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. остается лишь благим пожеланием, несмотря на неоднократное упоминание в тексте анализируемого Постановления международных стандартов и указание на обязательный учет особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних, закрепленных в УК РФ. Одной из таких особенностей является возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности, когда достижение цели исправления несовершеннолетнего возможно достигнуть путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

При таком подходе Верховного Суда РФ вряд ли можно вести речь об изменении правосознания рядового правоприменителя и карательной практики (уголовное наказание, условное осуждение) в вопросе применения норм об уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

Несмотря на то что принудительные меры воспитательного воздействия не являются ни уголовным наказанием, ни иной формой реализации уголовной ответственности несовершеннолетних, данные меры являются их реальной альтернативой и приоритет их применения перед иными мерами уголовно-правового характера, к несовершеннолетним, совершившим преступления, должен быть подчеркнут (ярко выражен) как в названии, так и в самом тексте постановлений Пленума Верховного Суда РФ, посвященному данной проблеме (в том числе посредством последовательности судебного толкования законоположений гл. 14 УК РФ).

6. Федеральным законом от 29.12.2010 г. № 427-ФЗ в УК РФ были внесены изменения и дополнения, затронувшие и нормы гл. 14 (изменения вступили в силу с 11.01.2011 г.). В частности, новеллы были внесены в ст. 92 УК РФ в части применения такой принудительной меры воспитательного воздействия, как «помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа». Следовательно, учитывая существенную новизну отмеченных законоположений, как нам представляется, они должны были быть «прокомментированы» правоприменителем хотя бы в минимальном объеме. Однако об этих изменени-

ях в тексте нового Постановления не сказано ни слова, видимо, в силу их (изменений) незначительности либо очевидности.

7. В п. 38 Постановления Верховным судом РФ назван специализированный государственный орган, который ходатайствует об отмене принудительных мер воспитательного воздействия, – это Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП).

Такое толкование вряд ли можно признать удовлетворительным как минимум по следующим обстоятельствам. Во-первых, КДН и ЗП – это не государственный орган (правовая природа его иная, как минимум смешанная, а как максимум – не определена, отсутствует и специальный закон о КДН и ЗП). А, во-вторых, контроль за несовершеннолетним, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия осуществляют соответствующие подразделения полиции в соответствии с законом «О полиции».

8. В п. 42 Постановления разъясняется, что «...вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления считается оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления или покушения на него». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» говорилось, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий. Налицо принципиально иная, диаметрально противоположная оценка момента окончания данных преступлений. Такое смещение акцента в оценке общественной опасности действий вовлекающего представляется недопустимым, противоречащим общей теории уголовного права и задачам по охране интересов и прав несовершеннолетних.

9. Отметим, что общий анализ текста Постановления показывает:

– по объему (и количеству) вопросам уголовного процесса в Постановлении уделено большее внимание, чем вопросам материального права;

– многие положения предыдущего постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» воспроизведены без изменения. В частности, пункты Постановления, касающиеся назначения наказания несовершеннолетним (например, п. 17). А ведь именно эти вопросы вынесены в название Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 г.;

– некоторые положения анализируемого Постановления дублируют положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

10. В завершение обратим внимание на содержание п. 47 Постановления. В нем закреплено положение, в соответствии с которым в связи с принятием настоящего Постановления Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по

делам о преступлениях несовершеннолетних» признано утратившим силу.

Полагаем, что использование данного оборота (утратило силу) не совсем корректно применительно к актам судебного толкования (в отличие от нормативно-правовых актов, например закона, который отменяет ранее действовавший закон).

Иными словами, означает ли это, что в случае, если данное в новом постановлении толкование той или иной нормы противоречит или является диаметрально противоположным, что руководствоваться следует последними разъяснениями, в том числе и в ситуациях, когда такие разъяснения противоречат закону?

Таким примером противоположного толкования (как уже было отмечено выше) в сравниваемых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ являются разъяснения по поводу момента окончания преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ. Очевидно, что в подобных ситуациях руководствоваться следует законом.

Таким образом, изложенное позволяет утверждать о необходимости внесения уже в ближайшее время изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебединский В.В.* Нарушения психического развития у детей. М., 1985. 316 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2011 г.